

Говард Филлипс Лавкрафт

Клиффорд Мартин Эдди-младший

Возлюбленные мертвецы

(The Loved Dead)

Сейчас полночь. Еще до рассвета меня найдут и заточат в тюремную камеру, где я буду чахнуть до скончания дней, снедаемый неутолимыми желаниями, покуда не присоединюсь наконец к своим возлюбленным мертвецам.

Я сижу в зловонной яме, образовавшейся на месте древней могилы; письменным столом мне служит упавший надгробный камень, истертый всеуничтожающим временем; ночную тьму рассеивает лишь свет звезд да тонкого месяца, однако я вижу все ясно, как днем. Повсюду вокруг, подобные мрачным часовым, стерегущим заброшенные могилы, стоят покосившиеся выщербленные надгробия, наполовину скрытые в густых зарослях смрадного кладбищенского бурьяна. Над всеми ними величественно врезается в серовато-синее небо сужающаяся кверху стела — словно призрачный вождь лемурийской орды. В воздухе висит вредоносный запах плесени и сырой перегнутой земли, но мне он кажется райским благоуханием. Здесь царит мертвая тишина, торжественная и страшная. Имей я возможность выбрать место обитания, я бы поселился в самом центре такого вот города мертвых, ибо близость гниющей плоти и рассыпающихся в прах костей исполняет мою душу экстатическим восторгом, заставляя застойную кровь стремительно бежать по жилам и вялое сердце бешено колотиться от безумной радости — ибо только в смерти я черпаю жизненные силы!

Детство вспоминается мне как затяжной период унылого, однообразного прозябания. Бледный, болезненный, тщедушный ребенок, подверженный длительным приступам угрюмой меланхолии, я вызывал острую неприязнь у своих здоровых, жизнерадостных сверстников. Они обзывали меня занудой и бабой, поскольку я совершенно не интересовался их шумными подвижными играми и даже при желании не смог бы участвовать в них по причине физической немощи.

Как во всех провинциальных городках, в Фенхэме водились свои злые языки. Досужие кумушки, падкие на все необычное, объявили мой апатичный темперамент некой отвратительной патологией; они сравнивали меня с моими родителями и многозначительно, даже зловеще качали головой, не находя между нами ничего общего. Самые суеверные открыто называли меня подменышем, а люди, имевшие представление о моей родословной, указывали на загадочные смутные слухи, касающиеся моего двоюродного прапрадеда, сожженного на костре по обвинению в колдовстве.

Живи я в городе покрупнее, где выше вероятность найти родственную душу для дружеского общения, возможно, я бы преодолел свою раннюю склонность к жизни

замкнутой и уединенной. В отроческом возрасте я стал еще более угрюмым, меланхоличным и апатичным. Я не видел смысла в своем существовании. Я словно находился во власти некой неодолимой силы, что притупляла мои чувства, препятствовала моему развитию, парализовала мою волю и исполняла меня чувством безотчетной тоски и неудовлетворенности.

Мне было шестнадцать, когда я впервые побывал на похоронах. В Фенхэме любые похороны вызывали живейший общественный интерес, ибо наш городок славился долголетием своих жителей. А уж когда преставилась такая известная личность, как мой дед, можно было не сомневаться, что весь город придет отдать дань уважения покойному. У меня, однако, предстоящая погребальная церемония не вызывала ни малейшего интереса. Любое событие, нарушавшее привычное сонное течение моей жизни, не сулило мне ничего, кроме физического и психического переутомления. Уступив назойливым настояниям родителей — главным образом для того, чтобы они хотя бы на время отстали от меня со своими язвительными упреками в «несыновнем отношении», — я согласился пойти с ними.

В похоронах деда не было ничего из ряда вон выходящего, если не считать обилия цветов и венков, но ведь я, не следует забывать, впервые принимал участие в подобного рода торжественном ритуале. Самая атмосфера сумрачной залы, где стоял обитый темной тканью гроб, заваленный благоухающими цветами, и собравшиеся горожане на все лады выказывали скорбь по усопшему, мигом вывела меня из обычного состояния апатии и буквально заморозила. Толчком острого локтя мать вернула меня, впавшего в мечтательное оцепенение, к действительности, и я проследовал за ней к гробу с телом деда.

Я впервые увидел Смерть так близко. Я смотрел на это спокойное, безмятежное лицо, сплошь изрезанное морщинами, и не мог взять в толк, с чего все так убиваются. Дед казался безмерно счастливым и глубоко удовлетворенным. Я почувствовал, как во мне поднимается волна странного, неуместного восторга, который нарастал исподволь и столь медленно, что я не сразу распознал характер сей эмоции. Сейчас, когда я мысленно возвращаюсь к тому знаменательному моменту своей жизни, мне кажется, что восторг зародился в моей душе сразу, как только сцена погребальной церемонии явилась моему взору, а потом незаметно и коварно завладел всем моим существом. Некие пагубные, зловещие токи, исходившие от трупа, оказывали на меня поистине гипнотическое влияние. Словно наэлектризованный неведомой экстатической силой, я помимо воли выпрямился и расправил плечи. Я попытался прожечь взглядом сомкнутые веки мертвеца, дабы прочесть тайное послание, сокрытое под ними. Сердце мое вдруг подпрыгнуло в груди от прилива нечестивой радости и бешено заколотилось о ребра, словно силясь вырваться из брэнной телесной оболочки. Душа моя содрогнулась и затрепетала в приступе безудержного, дикого сладострастия. Крепкий толчок материнского локтя снова вернул меня к действительности. Я приближался к черному гробу вялой, медлительной поступью, а отошел прочь пружинистым энергичным шагом.

Я проследовал с траурным кортежем на кладбище, по-прежнему пронизанный таинственными живительными токами. Я чувствовал себя так, словно залпом выпил чашу некоего диковинного эликсира — отвратительного зелья, изготовленного по рецепту самого Сатаны.

Все присутствующие были всецело поглощены траурной церемонией, и резкой перемены в моем поведении не заметил никто, кроме моих родителей. Но в течение следующих двух недель зловысказанные кумушки только и судачили, что о произошедшей со мной метаморфозе. К концу означенного срока, однако, полученный мной заряд энергии начал истощаться, и через пару дней я вернулся к обычному своему меланхолическому состоянию, хотя уже не к прежней беспросветной, всепоглощающей апатии. Если раньше меня вполне устраивало мое инертное существование, то теперь я постоянно испытывал смутное, безотчетное беспокойство. Внешне я снова стал самим собой, и местные сплетники обратились к более занимательным предметам. Когда бы окружающие хоть на миг заподозрили истинную причину моего внезапного оживления, все разом шарахнулись бы от меня, как от чумного. Когда бы я догадывался об отвратительной природе безудержной страсти, крившейся за кратким периодом моего воодушевления, я бы навеки удалился от мира и провел остаток жизни в покаянном одиночестве.

Для трагедий характерна форма трилогии: несмотря на пресловутое долголетие жителей нашего городка, в течение следующих пяти лет умерли оба моих родителя. Сначала в результате нелепого несчастного случая погибла мать, и горе мое было столь искренним, что я несказанно изумился, когда наряду с мучительной болью утраты вдруг испытал почти забытое чувство головокружительного, дьявольского восторга, вступавшего в издевательское противоречие с глубокой скорбью. Снова сердце мое подпрыгнуло и часто забухало в груди подобием парового молота, стремительно разгоняя горячую кровь по жилам. Я сбросил тяжкие оковы дремотного оцепенения для того лишь, чтобы взвалить на свои плечи бесконечно более тяжелое бремя отвратительной, богомерзкой страсти. Я по много часов кряду проводил в комнате, где лежало тело матери, утоляя неуемную жажду своей души дьявольским нектаром, разлитым в воздухе полутемного помещения. С каждым вздохом я ощущал прилив свежих сил, возносился к новым высотам небесного блаженства. Теперь я знал, что это всего лишь своего рода наркотическое забытие, которое скоро пройдет, оставив меня в плачевном состоянии телесной и душевной немощи, но не мог противиться своей извращенной страсти, как не мог распутать гордые узлы в уже сплетенном клубке своей судьбы.

Я понимал также, что вследствие странного сатанинского проклятия качество моей жизни зависит от мертвецов, что в силу некоей специфической особенности своей природы я способен на эмоциональное возбуждение лишь в присутствии бездыханных тел. Через несколько дней, движимый непреодолимой тягой к жуткому наркотику, от которого зависела полноценность моего существования, я уговорил единственного в Фенхэме гробовщика взять меня в подмастерья.

Потрясение, вызванное смертью моей матери, заметно повлияло на отца. Думаю, если бы я завел речь об устройстве на столь экстравагантную работу в любое другое время, он ответил бы мне категорическим отказом. Теперь же, после минутного раздумья, он просто кивнул в знак согласия. Тогда мне и в голову не могло прийти, что именно он станет первым моим «клиентом»!

Отец тоже скончался совершенно неожиданно — в результате резкого обострения сердечной болезни, которой у него не подозревали. Мой восьмидесятилетний

работодатель изо всех сил отговаривал меня от немыслимой затеи забальзамировать тело и не заметил восторженного блеска, вспыхнувшего в моих глазах, когда я наконец вытянул из него согласие. Словами невозможно описать предосудительные, невыразимые чувства, что захлестывали жаркими волнами мое бешено стучащее сердце, когда я трудился над трупом. Преобладало чувство глубочайшей любви — безграничной любви, какой я никогда не испытывал к отцу при жизни.

Отец не был богатым человеком, однако обладал всеми земными благами, необходимыми для безбедного независимого существования. Будучи единственным наследником, я оказался в довольно сложной ситуации. Детские и отроческие годы ни в малой мере не подготовили меня к контакту с современным миром, но старомодный жизненный уклад Фенхэма, изолированного от внешнего мира, мне совершенно опостылел. К тому же долгожительство горожан сводило на нет единственный мотив, побудивший меня заключить ученический договор с гробовщиком.

Уладив дела с наследством, я без всяких проблем уволился с работы и отправился в Бэйборо — город, расположенный милях в пятидесяти от Фенхэма. Я устроился в «Корпорацию Грешэма» — предприятие, контролировавшее крупнейшие похоронные конторы города, — и в два счета обзавелся широкой клиентурой. Мне даже удалось получить разрешение ночевать в здании фирмы, ибо пребывание рядом с мертвецами уже стало для меня навязчивой потребностью.

Я принялся за работу с редкостным рвением. Любой труп, даже самый безобразный, неизменно приводил меня в нечестивый восторг, и вскоре я стал признанным мастером своего дела. Каждый очередной покойник, поступавший в наше заведение, являлся для меня источником кощунственной радости, извращенного наслаждения, головокружительного возбуждения, которые превращали мое неприятное ремесло в упоительнейшее занятие, составлявшее для меня весь смысл жизни. Но за каждым приливом чувственного блаженства следовал период глубокого упадка. Я начал испытывать жестокие муки в те дни, когда за отсутствием новых мертвецов не мог предаться привычной радости, и молил всех богомерзких демонов преисподней наслать скорую и верную смерть на жителей города.

Потом наступили памятные ночи, когда по темным улочкам городских окраин начал рыскать некий человек; черные ночи, когда плотная пелена хмурых облаков заволакивала луну. Человек этот крадучись пробирался за деревьями, прячась в густой тени, и поминутно опасливо оглядывался через плечо — он явно замышлял недоброе. После каждой такой ночной прогулки утренние газеты взхлеб живописали своим падким на сенсации читателям подробности очередного кошмарного преступления — репортеры наперебой смаковали чудовищные зверства, предлагали самые несуразные меры противодействия, высказывали самые дикие и противоречивые догадки. Я же между тем чувствовал себя совершенно спокойно — ибо кто хоть на миг заподозрил бы работника похоронной конторы, ежедневно имеющего дело со Смертью, в стремлении утолять противоестественную страсть преднамеренным убийством своих ближних? Каждое преступление я планировал с маниакальной изобретательностью, от раза к разу меняя способы убийства, чтобы никому даже в голову не пришло, что все они являются делом одних и тех же обгаренных кровью рук. Результатом каждой из таких рискованных

ночных вылазок становились минуты экстатического наслаждения, скоротечного и ничем не омраченного, — наслаждения, которое всегда усугублялось надеждой, что восхитительный источник моего блаженства впоследствии будет поручен моим же сладострастным заботам в ходе моей профессиональной деятельности. Порой я и вправду испытывал такое вот двойное, запредельное наслаждение... О бесценные воспоминания!

Долгими ночами, когда я уединялся под кровом своего святилища, мавзолейная тишина вдохновляла меня на измышление новых и самых изощренных способов проявления своей страсти к возлюбленным мертвецам — мертвецам, дававшим мне жизнь!

Однажды утром мистер Грешэм пришел раньше обычного и обнаружил меня лежащим на холодном мраморном столе — я спал глубоким сном, сжимая в объятиях голый, окоченелый, зловонный труп. Он пробудил меня от сладострастных грез и, глядя на меня со смешанным чувством отвращения и жалости, вежливо, но твердо велел мне уволиться: мол, нервы мои расшатаны и я нуждаюсь в длительном отдыхе от неприятных обязанностей, сопряженных с моим ремеслом, поскольку тягостная атмосфера похоронного бюро пагубно повлияла на мою юную впечатлительную натуру. Он не имел ни малейшего представления о неодолимой дьявольской страсти, побуждавшей меня к утолению порочных вождлений! У меня хватило ума понять, что любые возражения только укрепят его уверенность в моем сумасшествии — лучше было просто уйти, пока никто не догадался о подлинных мотивах моего поведения.

После этого я нигде не задерживался подолгу, ибо боялся каким-нибудь неосторожным поступком выдать свою постыдную тайну враждебному миру. Я переезжал из города в город, из поселка в поселок. Работал в моргах, на кладбищах, один раз в крематории — то есть везде, где мне представлялась возможность находиться рядом с мертвецами, без которых я не мыслил жизни.

Потом началась мировая война. Я отправился за океан одним из первых и вернулся одним из последних. Четыре года кровавой бойни! Кромешный ад... мерзкая слякоть размытых дождями траншей... оглушительные взрывы истеричных снарядов... монотонный свист разящих пуль... клубы черного дыма над огненными фонтанами... удушливый смрад смертоносных газов... гротескные останки изуродованных тел... Четыре года запредельного блаженства.

В каждом скитальце живет подсознательная тяга к местам своего детства, и вот уже через несколько месяцев я шагал по знакомому проселку, ведущему в Фенхэм. По обочинам дороги стояли обветшалые фермерские домики, давно покинутые жильцами, и сам город тоже пришел в упадок и запустение за минувшие годы. Лишь несколько домов казались обитаемыми — среди них и тот, что некогда я называл родным. Заросшая бурьяном дорожка, разбитые окна, запущенные сад и огород — все это подтверждало сведения, полученные мной в ходе осторожных расспросов: ныне здесь живет беспутный пьяница, кое-как перебивающийся за счет поденной работы, которую ему дают немногочисленные соседи из сострадания к его забитой жене и вечно голодному хилому ребенку. В общем, романтический ореол, окружавший город моей юности, бесследно развеялся, и я, повинувшись случайному порыву, направил свои стопы в Бэйборо.

Здесь тоже за минувшие годы произошли перемены, но противоположного порядка. Небольшой городок, каким мне запомнился Бэйборо, разросся почти вдвое, несмотря на отток населения во время войны. Ноги сами привели меня к бывшему месту работы. Похоронная фирма по-прежнему существовала, но на вывеске над дверью значилось незнакомое имя преемника, ибо, пока молодые люди воевали за океаном, эпидемия гриппа забрала жизнь мистера Грешэма. Поддавшись роковому побуждению, я предложил свои услуги новому владельцу фирмы. Я упомянул о своем ученичестве у мистера Грешэма с внутренней дрожью, но мои опасения оказались напрасными — мой покойный работодатель унес тайну моего неэтичного поведения с собой в могилу. У них как раз имелась подходящая вакансия, и меня тотчас восстановили в должности.

В самом скором времени меня стали мучить навязчивые воспоминания о греховных ночных паломничествах и неодолимое желание вновь предаться запретным наслаждениям. Отбросив всякую осторожность, я взялся за старое. И снова бульварные листки принялись с упоением смаковать жуткие подробности моих преступлений, сравнивая нынешнюю ситуацию с неделями кровавых бесчинств, потрясших город много лет назад. И снова полиция расставила свои сети — но не поймала в них ничего!

Жажда отравного нектара смерти пылала всепожирающим огнем в моей груди, и я начал сокращать перерывы между своими гнусными подвигами. Я понимал, что сильно рискую, но дьявольская страсть крепко держала меня в своих щупальцах, побуждая творить все новые и новые злодеяния.

Ум мой постепенно притуплялся, всецело сосредоточенный на утолении противоестественных вожделений. Мелочи, жизненно важные для любого преступника, стали ускользать от моего внимания. Каким-то образом где-то я оставил слабый след, незначительную улику, которой было недостаточно, чтобы арестовать меня, но хватило, чтобы на меня пало сильное подозрение. Я почувствовал за собой слежку, однако никак не мог подавить острую потребность в новых мертвецах, необходимых для возбуждения моей дряблой, сонной души.

Потом наступила ночь, когда пронзительный полицейский свисток пробудил меня от сладострастных грез над телом очередной жертвы. Одним молниеносным движением я сложил окровавленную бритву, которую все еще сжимал в руке, и сунул в карман куртки. Полицейские дубинки выбили громкую барабанную дробь на двери. Я разбил окно стулом, благодаря судьбу за то, что выбрал в качестве места преступления один из беднейших кварталов, и спрыгнул в темный переулок как раз в тот момент, когда люди в синих мундирах ворвались в комнату, вышибив дверь. Я мчался по тускло освещенным узким улочкам, перемахивая через шаткие изгороди, пробегая через грязные задние дворы, мимо убогих ветхих домишек. Я сразу подумал о заболоченных лесах, что начинались за городской чертой и простирались на добрых полсотни миль вплоть до самого Фенхэма. Если мне удастся добраться до них, я на время окажусь в сравнительной безопасности. Задолго до рассвета я уже несся сломя голову по зловещей пустоши, спотыкаясь о гниющие корни полумертвых деревьев, чьи голые ветви тянулись ко мне из темноты, точно уродливые руки, стремящиеся остановить меня, заключив в издевательские объятия.

Видимо, приспешники нечестивых богов, к которым я обращал свои идолопоклоннические молитвы, направляли мои шаги по гибельным болотам. Неделю спустя — изнуренный, оборванный и грязный — я уже прятался в лесах в миле от Фенхэма. Мне удалось ускользнуть от погони, но я не осмеливался выйти из укрытия, поскольку сведения обо мне наверняка передали по радио. Я слабо надеялся, что сбил преследователей со следа. После первой кошмарной ночи я ни разу не слышал ни голосов, ни треска кустов под натиском крупных тел. Возможно, полицейские решили, что труп мой уже покоится на дне какого-нибудь стоячего омута или сгинул навеки в вязкой трясине.

Жестокий голод терзал мои внутренности, пересохшее горло горело огнем. Но гораздо сильнее муки претерпевала моя душа, изголодавшаяся по мертвецам, в которых находила единственный источник жизни. Ноздри мои трепетали при сладостных воспоминаниях. Я больше не обманывал себя мыслью, что моя противоестественная страсть является просто прихотью воспаленного воображения. Теперь я понимал, что она — неотъемлемая часть моего существа и без нее я угасну, как лампа, в которой выгорел керосин. Я собрал все оставшиеся силы, исполненный решимости любой ценой утолить свой проклятый аппетит. Несмотря на риск, сопряженный с замышленным делом, я отправился на разведку, мрачным призраком скользя в спасительно густых тенях. У меня снова возникло странное ощущение, будто меня ведет некий незримый приспешник Сатаны. Но даже моя погрязшая во грехе душа на миг возропнула, когда я очутился перед родным домом, местом моего отроческого затворничества.

Потом минутное смятение, вызванное воспоминаниями детства, улеглось, и на смену ему пришло всепоглощающее сладострастное желание. За ветхими стенами старого дома скрывалась моя добыча. Секунду спустя я поднял расхлябанную оконную раму и перелез через подоконник. Несколько мгновений я стоял неподвижно в напряженной позе, прислушиваясь и вглядываясь в темноту. Тишина придала мне уверенности. Покошачьи бесшумной поступью я двинулся по знакомым комнатам — и вскоре раскатистый храп указал мне на место, где я обрету исцеление от страданий. Я позволил себе шумный вздох сладостного предвкушения, когда распахнул дверь спальни. Точно пантера, подкрался я к простертому навзничь человеку, погруженному в тяжелый хмельной сон. Жена и ребенок — где они? Ладно, они подождут. Мои цепкие пальцы нащупали горло спящего...

Через несколько часов я снова прятался в лесу, но теперь украденная сила наполняла мое тело. Три мои безмолвные жертвы спали вечным сном. Только когда яркие солнечные лучи проникли в мое укрытие, я осознал последствия своего безрассудного поступка, вызванного неодолимым желанием получить облегчение от мук. Тела уже, должно быть, обнаружены. Даже самые тупые из местных полицейских наверняка усмотрят связь между произошедшей трагедией и моим бегством из соседнего города. Кроме того, я впервые забыл об осторожности и оставил на месте преступления вполне осязаемую улику, указывающую на меня: отпечатки пальцев на горле убитых. Весь день я трясся от страха. Обычный хруст сухой ветки под моей ногой вызывал в воображении самые жуткие картины. Ночью, под покровом темноты, я обогнул Фенхэм и направился к лесу, простиравшемуся по другую сторону от города. Еще до рассвета мой слух уловил далекий лай гончих псов, недвусмысленно свидетельствующий о возобновлении погони.

Всю долгую ночь я шел скорым шагом, но к утру силы мои начали убывать. В полдень я почувствовал очередной властный зов гибельного проклятия и понял, что скоро свалюсь с ног от слабости, если не испытаю снова отравного блаженства, которое черпаю лишь в близости возлюбленных мертвецов. До сих пор я двигался по широкой дуге. Коли пойти напрямик, к полуночи я доберусь до кладбища, где много лет назад похоронил своих родителей. Я мог надеяться на спасение только в случае, если достигну сей цели прежде, чем преследователи нагонят меня. Обратившись с немой мольбой к демонам, что правили моей судьбой, я, с трудом переставляя словно налитые свинцом ноги, двинулся в сторону последнего своего убежища.

Господи! Неужто прошло всего двенадцать часов с момента, как я покинул свое ужасное святилище? Каждый мучительно долгий час показался мне вечностью. Но я щедро вознагражден. Тлетворные ароматы, витающие над заброшенным кладбищем, проливаются целительным бальзамом в мою истерзанную душу.

Небо над горизонтом побледнело в преддверии рассвета. Они приближаются! Чутким слухом я улавливаю далекий лай псов! Через считанные минуты меня найдут и навсегда упрячут в тюрьму, где мне суждено изнемогать от неутолимой, всепоглощающей страсти, покуда я не присоединюсь к своим возлюбленным мертвецам!

Нет, я не дамся! Путь к спасению открыт! Пускай это выбор труса, но такой исход лучше, гораздо лучше, чем бесконечные месяцы невыразимых страданий. Я оставляю здесь эти записи в надежде, что кто-нибудь поймет, почему я сделал такой выбор.

Бритва! Она так и лежит у меня в кармане со дня моего бегства из Бэйборо. Испачканное кровью лезвие странно поблескивает в меркнувшем свете тонкого месяца. Один полосующий удар по левому запястью — и я спасен...

Брызги теплой, свежей крови ложатся причудливыми узорами на грязные, выщербленные могильные плиты... сонмы призраков вьются над смрадными могилами... бесплотные пальцы манят меня... упоительные фрагменты ненаписанных мелодий звучат неземным крещендо... далекие звезды кружатся в пьяном танце под демонический аккомпанемент... тысячи крохотных молоточков колотят вразнобой по наковальням в моем затуманенном мозгу... Серые призраки зверски убитых жертв проплывают передо мной в издевательском молчании... палящие языки незримого пламени выжигают клеймо ада на моей измученной душе... Больше... не могу... писать...

Перевод: Мария Куренная

2010 год